

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОПЫТ НЕГАТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ СИСТЕМ: ИНТРОСПЕКЦИЯ И РЕТРОСПЕКЦИЯ*

Д. А. Шукин

Процесс формирования границ субъекта предполагает интенсивную работу с полем истории, которая может быть представлена в логике бинарных различений. Обращение к прошлому фундирует идентичность, однако сознание дополняет и реконфигурирует ретроспективный пласт при помощи психологической интроспекции с целью преодоления собственной дискретности и обретения целостности «я-нарратива».

Современная реальность меняет представление о логике обретения субъектом собственных предикатов, его уникальности, отличительных характеристиках коммуникативных сообществ, в которые субъект включен: интенциональный рост самостоятельности и толерантности индивида входит в противоречие с базовой функцией системы поддерживать внутреннюю стабильность.

Зигмунд Бауман отмечает, что в наше время чрезмерное внимание субъекта к собственному телу, которое окружено внешними врагами, дополняется страхом потери безопасного дома, который формируется как локация, радикально удаленная от чужих, подчиняющаяся нерушимым правилам сожительства¹. Стремление создать единую массу, способную претерпеть инородное прикосновение – свойство мобилизации, цель которой сохранить свою субъективность. В условиях острого социального кризиса именно эта экзистенциальная определенность заставляет индивидов отказаться от свободы, «бежать от нее», сохра-

* «Социально-этический анализ легитимации ценностей дискурсивных сообществ современной России» (12-03-00420) РФНФ.

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

нив, однако, чувство принадлежности к группе и, как следствие, ощущение защищенности. Как пишет Парсонс, понятие «мы» необходимо обладает оппозицией, так как иначе не может быть определено². Идентичность оказывается механизмом символического дистанцирования от «иных» и объединения со «своими». Наличие у социальных групп и институтов функциональных двойников приводит к тому, что они конкурируют за возможность инициировать большее число членов или обеспечить членство в своих рядах индивидам, обладающим наибольшим символическим или материальным капиталом. Так, важна попытка каждого социального института отличить себя от других социальных единиц: «Социальный институт онтологически зависит от индивидов, которые его поддерживают, и поэтому он обречен на постоянный страх перед тем, что они отдадут свои симпатии другому институту»³.

Проблема дезориентации и адаптации напрямую ставит вопрос о положительных и отрицательных аспектах полифункциональных концептов, претензии которых на места исторически более ранних «образований» подтверждаются широким полем компетенций, делающих этих двойников даже более успешными, чем исходники. В настоящее время все чаще говорят о создании синтетических продуктов, заменяющих собой оригиналы. Так, появление гаджетов, которые, словно хищники, «пожирают» те функции, которыми изначально не владеют, интегрируя носителей этих функций в свой состав, становится общим местом.

Обобщая наблюдения востоковедов за мировой культурной динамикой, можно утверждать, что и на макроуровне ситуация повторяется: Восток идеологически и экономически противостоит Западу, постепенно принимая на себя его функции, а Запад реализует программы концептуального обновления восточного типа в попытке вернуть утерянную пассионарность.

² См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 19–31.

³ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 116.

Представление об угрозе, которую представляет собой Другой по отношению к субъекту, находит все большее количество подтверждений. Субъект получает множество специальных знаний и навыков, позволяющих совмещать несколько сфер занятости и проявлять высокую социальную и профессиональную мобильность. Он сам трансформируется в гаджет, который крадет чужие функции. Можно возразить, что список профессиональных компетенций все более усложняется, профессии стремительно дифференцируются, а между ними существуют барьеры, которые превозмогнуть не столь просто, однако современная жизнь выстраивается в логике экономической борьбы, потому не столкновение двух конкурентов, разделяющих единый классовый *habitus*⁴, демонстрирует истинную враждебность, но, скорее, всеобъемлющая конкуренция оказывается еще одним катализатором вражды. Другой воспринимается как тот, кто может не просто претендовать на одни и те же ресурсы, но способен принять на себя эссенцию субъекта.

Современный мир – мир возрастающей конкуренции, контролируемой принципом производства. Учитывая тотальность экономики, ее проникновение во все сферы, превращение денег в симулякр божественности, потеря занятости, экономическая несостоятельность ведут к символической смерти. Это достаточно ясно демонстрирует феномен финансовых кризисов, который превращает безработицу в одну из наиболее сложных социальных проблем с точки зрения нахождения решения, удовлетворяющего всех аффилированных агентов.

Рассуждение о субъекте как атомизированном существе, не имеющем индивидуальности, идентичном всем другим, снабженным стандартизированным сознанием, несмотря на известную справедливость, во многом является гипертрофией смысла, проявлением страха перед утопическим будущим, построенном на унификации, признающим скрытый факт подчинения субъекта структурам дискурса. Базовая структу-

⁴ См.: Бурдье П. Структуры, *habitus*, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16–32.

ра сходств и различий не осознается субъектом, она скрыта за структурами дискурса. В этом смысле, система групповых идентичностей – следствие работы базового механизма поиска сходства и различия, который порождает все множество групп и все многообразие отношений.

Вывод, который можно сделать из подобного различения систем, достаточно очевиден. Идеологически и этически заряженные социальные общности в большей степени используют потенциал образа врага, при этом сама процедура и полученный результат конструирования тотален. Во всех случаях функционирования социального порядка система ограничений связывает индивидов с определенными типами высказываний, прочие же оказываются под запретом. Этот запрет – то потаенное, что субъект обнаруживает во враге, осознавая его как врага. Дискурс всегда напрямую связан с властными отношениями, таким образом, потаенное может представлять как социальный ресурс, который представляет угрозу или необходим для увеличения силы дискурсивного воздействия. В рамках описываемой модели радикализация различий является следствием дискретности дискурса.

Дискуссия об открытости сообществ и ограничения доступа к ним чужаков заключена в поле, формируемом двумя крайностями – универсализацией, являющейся продолжением просвещенческой идеологии и включающей в себя рационализацию и объективизацию исторического нарратива, и попытками найти новые виды системных интеграторов – в культурах и субкультурах.

Обе крайности демонстрируют диалектику единого процесса, процесса изменения логики истории, которую все чаще пытаются представить в формате базы объективных фактов. Между тем, хотя групповая идентичность разворачивается в настоящем, определяя спектр актуальных ценностей и атрибутов, и направлена в будущее, демонстрируя ожидания и потенциальные символы веры, она, прежде всего, фундирована в прошлом и основана на истории.

История является процессом индивидуализации систем. Индивиды могут быть идентифицированы с помощью Истории/историй, в которых находят матрицу различий. Люббе

выделяет два ключевых типа индивидуализации – цифровую и историческую. Последняя непосредственно сводится к идентичности субъекта, однако историческая индивидуализация исключительно инерционна и зачастую не пригодна для экспресс-различения. Именно поэтому административная регистрация граждан предполагает упорядочивание индивидов по номерам, игнорируя всю полноту и значимость индивидуальных историй каждого субъекта. Важно и то, что цифровая индивидуализация, в свою очередь, может быть описана с помощью нарратива, а значит быть сведена к исторической.

Процесс присвоения номера – безусловный факт прошлого, но с помощью цифровой квантификации может быть представлена и историческая индивидуализация. История преобразовывается в бесконечную череду случайных и направляемых альтернатив, блок-схему, функционирующую на основании бинарной кодировки. Бинарный код – последовательность выбора, универсальная система различения.

В жизненной практике и практике познания субъект учится отличать себя от того, кем он не является. История – это процесс последовательного различения себя и другого, сначала на индивидуальном уровне, затем на уровне соподчиненных групп. Этот процесс начинается с описанной Лаканом стадии зеркала, когда ребенок осознает субъективную самостоятельность и травматическое отсутствие устойчивой связи с окружающим миром. Я противопоставляется Другому, затем «мы» становится оппозицией «они».

История напоминает сложнейшую базу данных, хранящую в себе пул альтернатив, с трудом поддающийся подсчету. Подобное сравнение позволяет говорить о присутствии в структуре исторической идентичности элементов ретроспекции. Субъект постоянно обращается к прошлому в формате опыта для проверки своей символической диспозиции в настоящем.

Однако ограничить историческую идентичность лишь полем исторической фактологии означало бы лишить ее всякой интенциональности. Между тем, идентичность имеет направленность, не просто описывая принадлежность индивида к коммуникативным структурам, но реализуя дискурсивное давление. Идентичность активна и включает в себя не только пассивный набор отличий.

Для работы с базой данных необходимо программное обеспечение, которое позволит организовать данные в логичные последовательности, исходя из актуальных запросов. Культурный «софт» – нарратив – придает информационному массиву размерность живого индивида. Набор фактов не оставляет места сюжету, а нарратив как реализация интерпретационной способности субъекта заставляет историю оживать. В процессе интерпретации факты превращаются в завершённый текст.

Интерпретация в узком смысле – структуралистское творчество, структурализм как действительность, то есть реализуемое сознанием расчленение социального и соединение его вновь на новых основаниях. Ролан Барт, рассуждая о сущности структуралистской деятельности, пишет: «Структуральный человек берет действительность, расчленяет ее, а затем воссоединяет расчлененное; на первый взгляд, это кажется пустяком (отчего кое-кто и считает структуралистскую деятельность незначительной, неинтересной, бесполезной и т. п.). Однако с иной точки зрения оказывается, что этот пустяк имеет решающее значение, ибо в промежутке между этими двумя объектами, или двумя фазами структуралистской деятельности, рождается нечто новое, и это новое есть не что иное, как интеллигибельность в целом. Построенная таким образом модель возвращает нам мир уже не в том виде, в каком он был ей изначально дан, и именно в этом состоит значение структурализма»⁵. Нужно оговориться, что, несколько меняя характер структуралистского восприятия, стоит «расструктурировать структуру», то есть лишить ее императивного основания в пользу диагностики. Это означает, что структура – лишь некоторый порядок восприятия, который позволяет определенным образом распутать узлы сознательного и бессознательного субъекта, превратив многомерную реальность индивида в плоский, однако прозрачный, набор взаимосвязанных концептов.

⁵ Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 254.

Речевой акт состоит из трех элементов: локуции, иллокуции и перлокуции⁶. Нарративность усиливает перлокутивный компонент и превращается в инструмент воздействия. В феноменологической практике нарративным является интенциональный поток сознания, психологическая интроспекция. Поток сознания зачастую не имеет выраженной структуры, в связи с чем сюрреалисты использовали метод автоматического письма для того, чтобы избежать традиционных способов построения художественного произведения. Однако даже в случае отсутствия структуры возможен структурирующий нарратив. Знаменитый «Андалузский пес» Луиса Бунюэля после кинематографического анализа был признан соответствующим классической схеме построения.

«Я-нарративы», используемые в нарративной психологии, призваны упорядочить юмовский пучок ассоциаций и берут на себя максимальную психологическую нагрузку с точки зрения формирования идентичности. Проговаривая свою историю, индивид обращается к силе Символического для того, чтобы установить, пусть и зыбкую, но ощутимую взаимосвязь между означающим и означаемым, которое является паролем, «скрытым письмом», посланием. Смысл подобного проговаривания вне зависимости от содержимого текста – в обретаемой в результате проговаривания структуре.

Ретроспекция дополняется интроспекцией, и исторические факты обретают форму повествования. Рассказ этот в полной мере зависит от особенностей дискурса, в рамках которого создается. Именно поэтому мы можем говорить о контекстуальной интроспекции. Интроспекция – тот самый автор, субъект, о смерти которого писали Фуко и Барт. Так как дискурс работает в качестве инструмента подавления, поглощает субъекта и заковывает его в символические цепи, интерпретация – не безусловное проявление свободы индивида. Помимо качественного элемента творения, создания собственного мира, заложенного в интерпретативной сущности познания, интерпретация предполагает определенный путь, который может быть предопределен.

⁶ См.: *Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 22–129.*

Властное основание ситуации интерпретации понимается Мишелем Фуко следующим образом: «Если угодно, не существует никакого *interpretandum*, которое не было бы уже *interpretans*. В интерпретации устанавливается скорее не отношение разъяснения, а отношение принуждения. Интерпретация не проясняет некий предмет, подлежащий интерпретированию и ей якобы пассивно отдающийся, – она может лишь насильственно овладеть уже имеющейся интерпретацией, и должна ее ниспровергнуть, перевернуть, сокрушить ударами молота»⁷. В этом смысле интерпретация никогда не бывает беспредпосылочной, она связывает субъекта с моральными нормами в рамках общественной жизни.

Зачастую интроспекция сопряжена с игрой воображения. В романе Оруэлла «1984» история меняется моментально, повинаясь желаниям скрытой за фигурой Большого Другого власти, однако речь идет не о тотальной смене опыта индивидов, но об изменении логики обработки этого опыта системой. По мнению Рикера, идентификация читателя с вымышленным персонажем произведения является основным проводником интерпретации самости⁸. Здесь, в поле воображения интроспекция может полностью реконфигурировать ретроспективный пласт.

Социальный конструктивизм разрабатывает концепцию контекстной взаимозависимости дискурсивного давления и символического инструментария субъекта, которым последний может осуществлять «редактуру» контекста. Сознание обладает способностью менять идентификации при помощи формирования альтернативной исторической реальности, но хотя идентичность создается как текущий проект доминирующей властью, она зачастую формируется в результате многолетнего этико-идеологического прессинга. В этом смысле сознание сочетает в себе логику ретроспекции с опытом самоанализа, организуя постоянные реконструкции исторического повествования.

⁷ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Философский портал. URL: <http://www.philosophy.ru/library/foucault/nic.html> (дата обращения 05.01.2013).

⁸ См.: Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М., 1995.

Понимание структуры исторической идентичности помогает ответить на вопрос об изменении характера логики различения. Составной частью именно современного мира является историзм, но историзм, связанный, прежде всего, с развитием ретроспективной базы данных. Субъект существует в поле исторического пролонгирования и исторической фиксации. Для сохранения баланса опыт различения и возможности этот опыт использовать рост базы данных должен происходить одновременно с ростом гибкости интерпретативных практик. Субъект, сталкиваясь с полем однородных фактов и лишенный прежних маркеров идентичности, в логике Рикера проецирует на себя чужую жизнь так, как раньше проецировал иные роли. Это небезопасная игра, однако она становится символическим источником поиска смысла. Чем в большей степени процесс обретения идентичности предполагает использование воображения, тем более историческая идентичность становится идентичностью нарративной.

Литература

1. *Барт Р.* Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
3. *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
4. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
5. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.
6. *Рикер П.* Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М., 1995.
7. *Фуко М.* Ницше, Фрейд, Маркс // Философский портал. URL: <http://www.philosophy.ru/library/foucault/nic.html> (дата обращения 05.01.2013).
8. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.